

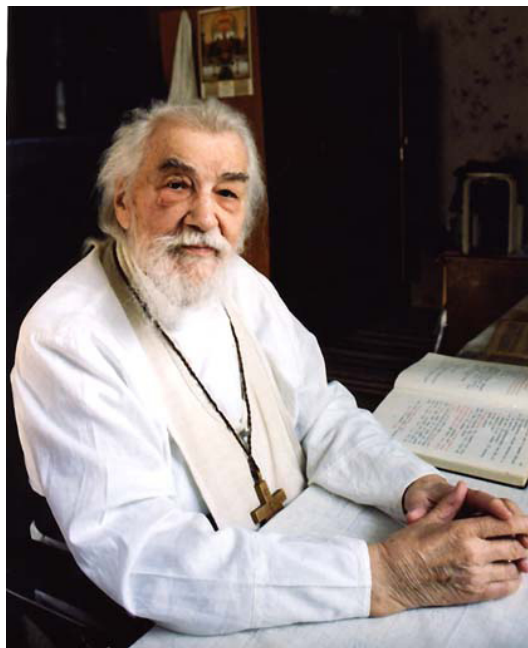
Отец Иоанн (Крестьянкин): «Не забывайте, чадца Божии, бессильно зло, мы вечны, с нами Бог»

Мария Дегтярева

На протяжении многих лет со всей России в Псково-Печерский монастырь съезжались люди самые разные: священники и известные писатели, ученые и студенты. Двери кельи отца Иоанна были открыты для всех, кто искал духовного совета, находился только в начале жизненного пути или, напротив, прожил мучительную, напряженную жизнь и попадал к старцу в крайне запутанных и сложных обстоятельствах. Он не отвергал никого. Часто можно было наблюдать такую картину: идет отец Иоанн куда-то поспешно, но на пути у него множество людей: вопросы, просьбы, недоумения, а он останавливается у каждого, всех выслушивает, вникает в детали, и вот так, благодаря первым встречам, многие находили своего духовного отца. В Печерах о. Иоанна шутливо называли «скорый поезд со всеми остановками». Любовь его к людям порой была даже не отеческой, а материнской. Именно так, «по-матерински», еще в XIX веке заповедовал своим ученикам любить духовных чад оптинской старец отец Варсонофий.

Истинная любовь взыскательна: мало кто мог быть настолько ласковым с отчаявшимся людьми, как отец Иоанн, и одновременно

– таким требовательным в отношении исполнения евангельских заповедей. Видя слабость человеческой природы, склонность людей к лукавству, оправданию сомнительных поступков, он мог одним словом разом положить предел фарисейскому толкованию Евангелия, обличить лицемерие, неллицеприятно обнаружив всю неприглядность притаившегося в сложном мудровании греха. И эту особенную требовательность к себе – постоянную проверку себя – «в вере ли ты?» – он сумел привить своим ученикам. Многие из знавших его свидетельствуют: о. Иоанн был одним из самых

мудрых и трезвенных духовников нашего времени.

«Всегда радуйтесь...»

Присущее ему чувство духовной радости и ясности отец Иоанн сумел передать и своим духовным детям. Среди его учеников были те, кто «пламенел» той же искренностью, и, постоянно пребывая в состоянии духовной собранности, отчета перед своей совестью и перед Богом, физически не мог вынести лжи, которой была насквозь пропитана жизнь 70-х ▶

– 80-х годов. Отец Рафаил (Огородников), «вырвавшийся» в Печеры из Москвы и выбравший усеянный терниями путь монаха и будущий оптинский новомученик отец Василий (Росляков), оба отказались от блестящей карьеры в тех условиях, когда это не оставляло возможности «соблюсти веру». Это лишь двое из «джинсового поколения» конца 70-х – начала 80-х гг., кто рядом со старцем обрели опору и научились крепко стоять в вере до конца, если потребуется, даже до смерти.

Сколько людей в те годы «приобрел» отец Иоанн для Церкви! Крепко пивший талантливый писатель и запутавшаяся в личных отношениях известная актриса, директор крупного столичного магазина и только пришедший к вере молодой человек, будущий наместник старинного московского монастыря – все они были обязаны отцу Иоанну пробуждением для духовной жизни.

Те, кому довелось хоть раз побывать у батюшки, вспоминают, прежде всего, его ласку, ту очаровательную простоту, с которой он благословлял всем какой-нибудь маленький подарок – икону или пасхальный куличик, духовные книги или вкусные шоколадные конфеты, и еще – его детское незлобие и улыбочивость. Он благодушествовал всегда, и, казалось, просто не помнил обид, а ведь ему пришлось вынести многое...

Пастырь времен «оттепели»

Родившийся 11 апреля 1910 г. в городе Орле, отец Иоанн был восьмым ребенком в семье. Семья была верующая, в церковь его водили с самого рождения. Самые яркие впечатления детства были связаны с храмом. Первым его «служением» стало служение иподиакона. А в 12 лет мальчик впервые высказал сокровенную мечту – стать монахом. И тогда будущий новомученик, Елецкий епископ Николай (Никольский), положив руку на голову ребенка, напутствовал его: сначала

окончить школу, поработать, затем принять сан и послужить, и только потом, со временем стать монахом.

Выпавшие на долю Церкви в начале века испытания, отозвавшиеся и в Орле закрытием храмов, непривычной тишиной в праздничные дни, когда молчали колокола, напряженным ожиданием грядущих бед и показательными процессами над священниками и епископами, в том числе над Серафимом (Остроумовым) и Николаем (Никольским), только укрепили желание Ивана послужить Господу тогда, когда Церковь теряет лучших.

Мечта исполнилась. 14 января 1945 года в Воскресенском храме на Ваганьковом кладбище Митрополит Николай (Ярушевич), один из четырех архиереев Русской Православной Церкви, оставшихся в живых после гонений, посвятил его в сан диакона. На праздник Иерусалимской иконы Божией Матери 25 октября того же года Патриархом Алексием I диакон Иоанн был рукоположен в священника в Измайловском Христорождественском храме в Москве, где и остался служить.

Затем наступили 50-е... Давление на Церковь со стороны системы стало в те годы более изощренным, замаскированным, а исповедничество требовало не меньшего мужества, чем во времена массовых репрессий. Отец Иоанн был одним из сотен священников, «обреченных» на испытания уже в силу своего характера – прямодушного, живого, нравственных качеств, знаний, нестерпимых для режима.

...Это случилось в 1950-м. Приближалось время окончания духовной Академии, была написана и кандидатская работа о преп. Серафиме Саровском, но защитить ее отец Иоанн не успел, не дали. В ночь с 29 на 30 апреля, как обыкновенно это происходило в те времена, в его комнате в Большом Козихинском был устроен обыск. Два месяца на Лубянке: ►

нелепые обвинения, жестокость следователя, лжесвидетельства... Затем – камера-одиночка в Лефортовской тюрьме, заключение в Бутырской – в камере с уголовными преступниками, и семь лет исправительно-трудовых лагерей... Архангельская область, знаменитый разъезд Черная Речка. А там – барак, непосильный труд на лесоповале и особое «распределение» – «санитарная обработка», т.е. многочасовое пропаривание одежды заключенных в особой камере при очень высокой температуре.

Но что помнилось ему об этом времени? Молитва, под самым потолком на третьем ярусе нар, тайные воскресные службы в заброшенном недостроенном бараке, радость в моменты, когда уважение к священнику неожиданно-негаданно просыпалось в душах главарей лагерной шпаны...

В 1955 году, по досрочном возвращении из лагеря, он был назначен в Псковскую епархию, затем – Рязанскую. 10 июня в 1966 года в Сухуми отец Иоанн принял монашество. Постриг над ним совершал глинский старец схиархимандрит Серафим (Романцов). 5 марта в 1967 году иеромонах Иоанн поступил в Псково-Печерский монастырь, в 1970 году был возведен в сан игумена, а 7 апреля 1973 года в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы – в сан архимандрита. Почти сорок лет отец Иоанн оставался насельником Псково-Печерского монастыря.

В 70-е – 80-е годы, когда органы государственной безопасности стремились установить контроль над жизнью людей, отцу Иоанну вновь пришлось пить от чаши страданий. Теперь он разделял бескровное мученичество со своими воспитанниками, державшими «оборону» от мира.

Господь наградил его многими духовными дарованиями, и наиболее явным для

окружающих был дар прозорливости. Отец Иоанн предвидел события в жизни близких людей, часто указывая на возможные опасности, и, обычно приучая людей к личной ответственности, в некоторых исключительных случаях все же требовал неукоснительного исполнения своих благословений. Со временем люди, отказавшиеся от послушания своему духовнику, имели возможность убедиться в том, что отец Иоанн имеет основания для такой требовательности: он не говорил от себя. И при этом батюшка сохранял необыкновенную скромность, отзываясь о себе так: *«Ну, какой я старец? Вот видели бы вы настоящих старцев!»*

Тысячи людей в России помнят об о. Иоанне как о священнике, согревавшем всех и помогавшем прорваться к свету через потемки времен «застоя». Как напутствие всем нам звучат его слова о пути спасения в современном мире: *«Время, в которое привел нас жить Господь, – наисмутнейшее, смущение, смятение и неразбериха колеблют непоколебимое, но это еще не конец. Впереди еще более сложные времена. Бездумно ныне жить нельзя. И не забывают, чадца Божию, бессильно зло, мы вечны, с нами Бог. У Бога нет забытых людей, и Промысл Божий зрит всех. Миром правит Бог, только Бог и никто другой».*

Особенным был и его уход из мира. Обычно так уходят к Богу праведники: казалось, что он блаженно и тихо уснул, сразу после причастия в день, когда Русская Православная Церковь чтит память Исповедников и новомучеников российских... Это был и его день.

*Публикуется в сокращении
www.pravmir.ru*

Евангельское чтение

Исцеление иерихонского слепого (Лк. 18:35-43)

Когда же подходил Он к Иерихону, один слепой сидел у дороги, прося милостыни, и, услышав, что мимо него проходит народ, спросил: что это такое? Ему сказали, что Иисус Назорей идет. Тогда он закричал: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. Шедшие впереди заставляли его молчать; но он еще громче кричал: Сын Давидов! помилуй меня.

Иисус, остановившись, велел привести его к Себе: и, когда тот подошел к Нему, спросил его: чего ты хочешь от Меня? Он сказал: Господи! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: прозри! вера твоя спасла тебя.

И он тотчас прозрел и пошел за Ним, слава Бога; и весь народ, видя это, воздал хвалу Богу.

Проповедь на Евангельское чтение

Митрополит Антоний Сурожский

Слепой человек, который сидел у врат Иерихонских, знал, что он слеп. Мы тоже слепы – и мы не знаем этого. Он знал, что слеп, потому что все вокруг него могли свидетельствовать, что они видят, а он не видит, могли ему описать, что они видят, и он мог понять, чего он лишен.

Мы слепы, и если сравнивать нас со святыми – такими же, как мы, людьми, но которые просветлели душой, прозрели сердцем, умом, – то ясно делается, как многого мы не видим. **Но первая наша беда в том, что так редко среди нас люди со зрением, а еще страшнее то, что мы верим, будто состояние большинства – нормальное состояние, а если кто – редкий! – видит, слышит, чувствует, понимает, переживает необычайное, то он – вне нормы, он не обязательно является меркой для нас и судом над нашей слепотой, нечувствительностью, мертвостью.** В те времена в тех местах, где были явлены святые, с ними поступали, в общем, так же, как люди поступили со Христом: слушали недоверчиво, воспринимали слова насмешливо, к советам их не прислушивались, пути их не следовали. Порой дивились тому, что им дано, но считали это настолько необычайным, настолько неестественным, что к этому и стремиться нет смысла. **Так и теперь мы слепы,**

мы не видим, не чуем. И надо себе поставить вопрос: *чего же мы не видим, к чему мы слепы?* Тогда, может быть, нам и придет на мысль прислушаться и попробовать понять.

Слепы мы к тому, что Бог посреди нас; в храме, вне храма – везде присутствует Господь; а мы живем, словно Его нет. Он рядом с нами, мы Им дышим, движемся – и не отдаем себе в этом отчета, приписываем себе жизнь, силу, ум, переживания, дарования, успех; однако проходим мимо Того, Кто есть источник всего. **Мы слепы в этом отношении: среди нас Господь – а мы можем думать пустые думы, переживать бессмысленные переживания, вести между собой тленные и растлевающие беседы.** А Он стоит безмолвно, как *нищий* стоит у двери: не взглянет ли кто на Него, не обратит ли кто внимание, не учует ли кто Его присутствия, не переменит ли Его присутствие чего-либо в сердцах, в мыслях, в словах людей?..

И мы не видим; и нас так много, невидящих, что нам это и не странно: все слепы – значит, это норма! Как это страшно! А когда мы посмотрим вокруг себя, то мы такие же слепые. **Каждый человек – образ Божий, икона, подобие; а мы ничего подобного не видим в нем.** Пусть, конечно, эта икона изуродована – но разве мы к иконе, изуродованной

человеческой грубостью, так относимся, как относимся к человеку? Если мы найдем икону растоптанную, оскверненную – с каким благоговением, с какой болью сердечной мы ее поднимем, прижмем к сердцу, унесем к себе, вычистим, поставим, как мученицу, на святое место и будем рассматривать то, что ее изуродовало, как раны, и *благоговеть* перед этим, потому что в этом мы увидим образ того, что случилось с Богом, когда Он стал Человеком: как Его люди били, как топтали, как оплевывали, как смеялись над Ним – это мы можем увидеть в иконе, написанной красками и пострадавшей.

А когда перед нами нерукотворный образ – человек, мы видим в нем не знаю что, *только* не образ Божий, и относимся к нему, конечно, не так, как отнеслись бы к иконе, о которой я сейчас сказал... **Разве нам разрывает сердце уродство человека – что он зол, что он завистлив и т. д.? Нет! Нам не больно от этого, нам противно! И другому так же противно смотреть на нас, потому что мы такие же, как те, кого мы осуждаем...** И вот слепой в потемках бьет слепого, и никто из них не признает, что сам слеп и что это – ужас...

И еще: *все* в руке Господней; пути Божии неисповедимы: они бывают страшны; они бывают так светозарны, что слепит очи; они бывают так скромны, неприметны, что нужно все наше внимание, чтобы уловить действие Божие. **И вся наша жизнь, жизнь каждого отдельного человека, каждого из нас – в руке Господней. И все, без исключения, что в ней происходит, имеет смысл, если бы мы только прозрели и поставили вопрос: куда ведет Господь? Что это значит?** – а не кричали: Мне неудобно! Мне больно! Меня это раздражает! *Не хочу* этого! Отойди прочь, Господи, с Твоими блаженствами, которые говорят о голоде, и о плаче, и о гонении, и об одиночестве... Не хочу того!..

И мы слепы: слепы в своей жизни, слепы в сложной, богатой жизни других, кто с нами связан; слепы в понимании путей Божиих в истории, слепы по отношению к отдельным лицам и к целым группам людей – верующим, неверующим, своим, чужим; к своим так же слепы, как к чужим... Разве это не ясно, если только подумать?

А мы сидим в пыли у врат Иерихонских

и воображаем, что зрячи. Проходит Христос, и мы *голоса* не возвысим, не крикнем о помощи; нет нужды, чтобы нам говорили: «Молчи, не тревожь Учителя»... Что мне от Него нужно? Я все знаю... Что Он может мне дать? Я зрячий, я живой... Неправда! – и слеп, и мертв! **И только от Него может быть прозрение, и только от Него может быть жизнь.** Но вот, мы не видим этого и не просим – а Он проходит; больше того: **останавливается, стучит в дверь ума, сердца, жизни всеми событиями, всеми людьми, всеми переживаниями, всем без исключения, чем полна моя личная жизнь, и жизнь каждого вокруг, и всех, и всего мира и вселенной. А мы не слышим даже стука, даже гласа Господня, и не отворяем...**

Перечтем этот рассказ. Христос спрашивает: Что тебе от Меня нужно?.. Мы бы ответили: Да ничего мне не нужно, Господи; все у меня есть... Или, наоборот, чего только мне ни нужно – богатства, славы, дружбы, тысячи вещей, *только* не Его и не Его Царства. И поэтому и не слышим мы или слышим так редко: «Прозри! Ты же веруешь, ты поверил! Ты – на грани зрячести, так прозри же, это в твоих руках!» Не слышим мы этого слова не потому, что у нас какая-то теоретическая вера бессильна, а потому что ничего нам не нужно, мы «зрячи». Как это страшно!

Подумаем все над этим пристально, пока еще можно прозреть и увидеть, как богата славой жизнь, как близок Господь, как сияет Он славой вечности, как бесконечно Он смиренен, кроток, близок к нам, как лежит это сияние Господне на каждом лице, как на иконе, бьет ключом жизни в каждом событии, в каждом человеке, зовет нас: Разомкнись! Открой глаза, открой сердце, разомкнись! Пусть воля твоя будет гибкой, свободной! Пусть тело твое будет, как земля богатая перед посевом Господним, и тогда жизнь будет!.. Родается жизнь в человеке и вокруг него ширится, как свет, как тепло, как радость, как вечность. **Все нам дано, и как мало мы это берем... Дай нам Господь мужество быть правдивыми, и дай нам Господь радость – радость прозреть!** Аминь.

www.verav.ru

Немецкий солдат и советская разведчица

Монахиня Адриана (Мальшева)

Монахиня Адриана (Мальшева), в миру Наталья Владимировна Мальшева, прожила долгую жизнь. Прошла всю Великую Отечественную войну, была в разведке, после войны служила в Германии, затем работала конструктором двигателей у С.П. Королева.

Весной 1943 года Донской фронт был расформирован, и вместо него появился Брянский. Верховному командованию стали известны планы немецкого наступления по линии Орел-Курск. В этот район стали скрытно стягиваться крупные силы противника. Немцы хотели взять реванш за Сталинградский разгром. Готовилось грандиозное танковое сражение. От разведчиков поступали свежие сведения о противнике. Моя непосредственная работа в эти дни заключалась в прослушивании противника по проводной связи.

Жили мы в палатках. Иногда попадались освобожденные квартиры, но чаще жили в лесу. Немецкими землянками брезговали – там было огромное количество клопов!

Вставали около восьми часов. Питание у меня было уже офицерское, всегда был хлеб, иногда сыр и сливочное масло. Утром была обязательная беседа с руководителем об обстановке и планах.

За линию фронта меня переводил сопровождающий. У него была и схема проводной связи. Подключившись, я слушала и запоминала все важное, что передавало немецкое командование своим войскам. Затем возвращалась к своим и сообщала об услышанном в штаб.

Дважды такие операции прошли

Фото Юлии Маковейчук

удачно. Но до конца жизни не забуду того, что случилось в третий мой рейд. Когда я уже отключилась и выбралась из укрытия, чтобы, дождавшись темноты, вернуться к своим, спиной почувствовала, что не одна. Быстро обернулась, выхватив пистолет – по инструкции надо было кончать жизнь самоубийством, чтобы не попасть в плен, – но тут же получила удар по руке. Мой пистолет мгновенно оказался у стоявшего передо мной немца. Я окаменела от ужаса: сейчас меня отведут в немецкий штаб. Господи, только не это!

Я даже не разглядела, что это был ►

за немец – ни звания, ни возраста не видела от страха. Сердце выскакивало из груди, я почти не дышала. И вдруг, схватив меня за плечи, немец рывком повернул меня спиной к себе. «Ну вот, сейчас он выстрелит», – даже с облегчением подумала я. И тут же получила сильный толчок в спину. Далеко впереди меня упал и пистолет.

– С девчонками не воюю! А пистолет возьми, иначе тебя свои же расстреляют...

Я обомлела, повернулась и увидела длинную фигуру, уходящую в глубь леса.

Ноги не повиновались мне, и я, спотыкаясь, побрела к месту, откуда с темнотой можно было выйти к своим. По дороге привела себя в более или менее нормальное состояние и вернулась как обычно. У меня хватило ума никому не рассказать

о случившемся. Потом уже, значительно позже, поделилась с близкими друзьями. Сын одного из них, принявший впоследствии монашество, произнес, ставшие для меня не так давно откровением слова:

– Неужели вы до сих пор не поняли, что вас все время хранил Господь, и кто-то сильно молился за вас и ваше спасение?..

«Монахиня из разведки.

История жизни ветерана

Великой Отечественной войны
монахини Адрианы (Мальшиевой)».

М., 2012г.

Вопросы священнику

Можно ли обсуждать людей?

«Мы с подругами часто обсуждаем разных людей. Бывает, и спорим даже, верно ли человек поступает? Как понять, сплетничаем мы или нет? Ведь если вообще ни о чем не говорить и не разбирать чужие поступки по полочкам, как тогда выработать свое к ним отношение?»

Отвечает священник Игорь Фомин:

Разбирать чужие поступки надо. Что в этом случае делать нельзя? Нельзя говорить, что «Иванов подлец и паразит, потому что поступил так-то и так-то». То есть, обсуждая, не осуждайте. Сплетничаем мы или нет – значит осуждаем мы или нет. Можно сказать: «Да, поступок плохой. Но если бы я был на месте этого человека, возможно, я бы поступил еще хуже». Мне кажется, это более мудрый подход к оценке действий других людей.

На самом деле грань между обсуждением и осуждением очень тонкая. Каждый из нас может ее нащупать по определенным признакам. Если автор проступка вызывает у тебя раздражение, ты находишься в осуждении. Если же неприязнь вызывает сам проступок, а человек – сострадание и любовь, то вы на верном пути.

www.foma.ru

**Подготовлено совместно
с Синодальным информационным отделом
Русской Православной Церкви**

«Православие и мир» — ежедневно о том,
как быть православным христианином сегодня.

Редакторы: *Мария Абушкина, Анна Данилова*
Корректор: *Екатерина Сысина*
Макет, верстка: *Сергей Амиантов*
Художник: *Наталья Сажина*

Адрес в интернете: www.pravmir.ru
Электронная почта: gazeta@pravmir.ru